

УДК 1(091)

5/2009 ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Развитие концептов «государство» и «гений» в философском дискурсе Ницше

© Щербакова Елена Валерьевна*,

ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт». Россия, 140410, Коломна, ул. Зеленая, 30.

E-mail: kgpi_all@mail.ru

Статья поступила 09.11.2008 г.

В данной статье анализируется значимая для философии Ницше проблема государства и гения, рассматривается противоречивое отношение мыслителя к государству. Жизненный путь Ницше показывается с позиций усиления маргинальности и освобождения от социальных характеристик, результатом чего становится аристократический радикализм. Доказывается, что Ницше не находит идеал в драме Вагнера и создает свою модель совершенного государства на основе греческого и ренессансного государства. Именно эта маргинальность Ницше становится причиной свободных интерпретаций его идей в жизненной практике XX века.

Ключевые слова: государство, гений, сверхчеловек, национал-социализм.

The author analyzes the important problem of Nietzsche's philosophy — "a genius and a state" and considers a contradictory position of the philosopher to the State. Nietzsche's way of life is shown from the point of its marginality increase and getting free from social characteristics that comes as the result to the aristocratic radicalism. The paper proves that Nietzsche doesn't find his ideal in Wagner's drama and creates the ideal State model based on the Greek and Renaissance State. Nietzsche's marginality causes the free interpretations of his ideas in the XX century life practice.

Романтический синтез творчества Фридриха Ницше, в котором объединились наука и искусство (филология и музыка), обусловил причисление этого философа к спорным мыслителям. Необычность в отношении любой из этих отдельно рассматриваемых сфер духа и поставила мыслителя в ситуацию «между античностью и романтизмом»: не случайно Б. Рассел подчеркивал, что мировоззрение Ницше сознательно было эллинским [5. С. 220].

Интерес Ницше к концепту государства опирался на традиции немецкой классической философии. И. Кант в своем социально-политическом учении признавал неограниченность полномочий существующей верховной власти и дал понятие правового государства, где каждое лицо обладает правом голоса и в то же время повинует общему решению. В трудах Г.В.Ф. Гегеля государство как часть нравственной ступени развития объективного духа занимает кульминационное положение в процессе эволюции последнего. Оно дает высшее единство, примиряющее противоречия природного единства — семьи и вызванного дифференциацией семьи гражданского общества. Государство для Гегеля — не средство, а цель в себе; его идея реализуется в государственном строе, образцом которого философ считал конституционную монархию.

Ф. Ницше занимали в первую очередь вопросы этико-эстетического плана, поэтому в его творчестве, в отличие от предшественников, мы напрасно будем искать разработанную социально-политическую систему. Отдельная работа о государстве у Ницше всего одна, и она явственно отсылает нас к его филологической специальности: это юношеский доклад «Греческое государство» (1871). Разделы, посвященные проблеме государства, содержатся в «позитивистском» «Человеческом, слишком человеческом» (1876) и позднем «По ту сторону добра и зла» (1886), а также в неавторизованной версии «Воли к власти», выпущенной после смерти автора.

Ценность «греческого» доклада Ницше заключается в плодотворности заложенных в нем мыслей для всего корпуса философско-эстетических взглядов немецкого мыслителя. Греческое государство «трагической» эпохи (VI–V века до н.э.), построенное на фундаменте рабства, находилось в состоянии *bellum omnia contra omnes* и рождало агональностью всех уровней своего существования Елену Прекрасную — греческое общество. Войны полисов, греко-персидские войны, постоянное соперничество выдающихся личностей, для регулирования чего был введен соблюдающий меру принцип остракизма, — все это имело глубокий государственный смысл. По Ницше, «настоящая цель государства — олимпийское существование и постоянно обновляемое рождение и подготовка гения, по отношению к которому все остальное является орудием».

* **Щербакова Е.В.** — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музыки Коломенского государственного педагогического института.

ем, вспомогательным средством, способом» [1. С. 75]. Основа государства — война; поэтому регулирующий общество и соразмеряющий человеческие страсти Аполлон — еще и бог-стреловержец, и в начале «Илиады» он уничтожает своими стрелами животных и людей, вызывая огонь погребальных костров. Ницше ориентируется на дорическую модель военного государства Спарты и строго иерархическую концепцию «Государства» Платона, единственным недостатком которого он находил исключение из государственной системы гениальных художников. Уже в докладе «Греческое государство» Ницше выписал «иероглиф глубокой и вечно требующей объяснения связи между государством и гением» [1. С. 76].

В заметках 1871 года, времени создания прославленного «Рождения трагедии из духа музыки», он сравнивает соотношение между государством и единичным гением с разработанным природой искусным механизмом между растительным и животным миром. Цель государства — защита и забота о *единичном*, о гении; греческий художник, в свою очередь, обращается в своих произведениях не к одиночке, а к государству, его шедевры опираются на культивируемые государством народные чувства. Маркером взаимоотношений государства и гения-художника является трагедия как ежегодное действие, подготовляемое государством и объединяющее весь народ. Ницше описывает государство как *средство* для художественной действительности, но в то же время только оно со своей *магической силой* способно воспитать в обществе политический инстинкт, принудить эгоистических одиночек к жертвам творчества и воспитать народ с потребностью значимости художественного творчества. Творчество является великой аполлонической иллюзией, ослепительным щитом Персея, заслоняющим человека от осознания ужасов существования.

В дальнейшем в творчестве Ницше все чаще встречаются критические определения государства. Причина этого — в растущем разочаровании современной Ницше государственной системой. В юношеских письмах и дневнике философа встречается немало упоминаний о социально-политической обстановке Германии. Он подробно описывает в письме другу К. фон Герсдорфу от 20 февраля 1867 года лейпцигские выборы, в ходе которых он голосовал за представителя Пруссии, так как его детство прошло в Наумбурге — королевском владении, основанном Гогенцоллернами и преданном их династии. Прусский король Фридрих Вильгельм IV, идеалом которого было «христианское государство», оказывал покровительство отцу Ницше, и лютеранский пастор назвал первенца в его честь. Ницше принимает участие в франко-прусской войне, считая это своим прямым долгом и идентифицируя свое поколение со студентами 1813 года и их борьбой против Наполеона. Он чрезвычайно удивляется, когда далеко не все его друзья следуют его примеру, а почитаемая им Козима Вагнер настаивает в письмах, что «сейчас не 1813 год». Ницше воспринимает эту войну состязанием между

французской и германской культурами и пишет матери: «Она касается нашей культуры, и ради этого никакая жертва не может оказаться слишком велика» [6. С. 208].

Кронпринц Фридрих четко представлял себе идеал государства как «свободное германское имперское государство, которое, в истинном смысле этого слова, должно маршировать на передней линии цивилизации и быть в состоянии развивать и высветить все благородные идеалы современного мира так, чтобы через германское влияние гуманизировать весь остальной мир, облагородить нации и народы, отклонив их от фривольных французских тенденций. В таком государстве нам следует обрести оплот против социализма, и в то же время эта нация избавится от нагнетания бюрократии, деспотизма и доминирования клерикалов. Иезуитизму и католицизму дадут щелчок, и души людские избавятся от наставнического положения Церкви» [6. С. 210]. Эта благородная формулировка расходилась, по мнению Ницше, с реальным положением дел, поэтому требовались активные действия, прежде всего — личные.

Знакомство с Р. Вагнером — величайшим немецким музыкантом времени Ницше — побудило последнего сделать генеральным направлением своих философских размышлений искусство, а конкретнее — взаимосвязь искусства и жизни в различные исторические эпохи. Уже в 1870-е годы постепенно формулируется одна из основных лейттем творчества философа — сравнение великого искусства и культуры Древней Греции с положением дел в этой области в Германии XIX века и поиск путей выхода из очевидно кризисной ситуации.

В базельский период Ницше занял позицию отрицания по отношению к государственной политике: не принял возвышение Вильгельма I до германского императора и не признал легитимность германского Рейха. Философ полагал, что главной государственной задачей на данный момент является перевоспитание молодежи «согласно новым принципам с помощью театра».

Ницше сделал мишенью своих нападок младогегельянца Д. Штрауса как олицетворения эстетических претензий на «культурное государство», провозглашенное партией кронпринца Фридриха; он ответил гневным письмом издателю «Im Neuen Reich», эстетического рупора партии кронпринца, на критику Р. Вагнера на страницах журнала. Он планировал осудить Страсбургский университет — новую эмблему либерального империализма и лидера прусской образовательной системы — и одногодичное волонтерство, связывавшее образовательное продвижение с военными привилегиями [6. С. 212]. Эти планы не осуществились, но «антиштраусовская» деятельность Ницше была замечена официальной Германией, и Ницше, находящийся вне Рейха, но внутри германской культурной проблематики, в 1873 году получил клеймо «врага нашей культуры» на страницах журнала «Grenzboten» (его издателем был сторонник кронпринца Фридриха Г. Фрайтаг).

В ницшевском противопоставлении культуры государству Байройт как беспрецедентный театральные проект Вагнера какое-то время играл роль штандарта, тем более что в Германии живущему в отдалении мыслителю не удалось получить свою публику, кроме вагнерианцев: молодежь, как это ни странно, осталась глуха к страстным призывам философа к созданию новой культуры.

Вагнер привлек Ницше разработкой жанра музыкальной драмы, которая объединяет композитора и либреттиста в одном лице (начиная с «Лоэнгина»). «Классическим филологом» Ф. Ницше, воспитанным на греческой трагедии, это было воспринято как современное воплощение трагедии как идеальной формы искусства. Ницше, поначалу поддавшись обаянию идей и музыки Pater Seraphicus (отца ангелоподобного), затем модулировал в гречески-дионисийскую «трагическую» тональность трактовки проблемы.

Главной темой в творчестве обоих становится судьба человеческой личности в современном мире. Определяющим началом в человеке, будь то «человек прекрасный и сильный» Р. Вагнера или «халкионический дионисиец» Ф. Ницше, они признавали не разум, а иррационально-инстинктивное (Ф. Ницше) и неконтролируемо-эмоциональное (Р. Вагнер) начало. Ницше подхватил разработку сквозной для творчества Вагнера проблемы соотношения государства и культуры, которая решалась композитором в чисто романтическом ключе. Молодой Ницше был единомышленником Вагнера в понимании «человека гения», противостоящего «людям толпы». В творчестве композитора эту смысловую нагрузку выполняет образ центрального героя тетралогии «Кольцо нибелунга» бесстрашного Зигфрида, готового провести жизнь в сражениях за справедливость, способного на истинное чувство гордого сына природы, далекого от пороков цивилизации. «Лучезарный Зигфрид» из рода Вельзунгов (Вольсунгов), излюбленный герой немецких народных сказаний, в XIX веке стал самым популярным символом национальной гордости и самосознания. Подлинными героями зрелого Ф. Ницше стали Дионис и Заратустра.

Призывы Ницше к Вагнеру («Рихард Вагнер в Байройте») сыграть роль «анти-Александра», возглавив поколение «анти-Александров» в борьбе против фальшивого блеска германской империи, были тщетными: практичный Вагнер пошел на компромисс с Рейхом, и император Вильгельм I был почетным гостем на первом байройтском фестивале в 1876 году. Это событие отмечено в записной книжке Ницше фразой «Да здравствуют благородные предатели!».

С 1876 года Ницше становится антивагнерианцем и остается в растущей культурной изоляции, усиленной болезнями. Упомянутая выше «маргинальность» Ницше начинается с базельского периода его творчества. Именно тогда он постепенно освобождается от социальных характеристик — сначала от прусского гражданства, чтобы иметь возможность подчиняться

университетским властям (не пруссак и не швейцарец, он живет отныне без гражданства и путешествует по паспорту, выдаваемому городскими властями), затем и от академического преподавания и связанного с ним социально-статусного контекста.

В германском обществе середины 1870-х годов двумя основными тенденциями стали национализм и социализм, к которым философ испытывал негативное отношение. В стилистически новых, афористических, произведениях Ницше ищет некую нейтральную, третью позицию: датский критик Георг Брандес, пропагандист творчества философа, назовет ее «аристократическим радикализмом». Социализм с его идеей равенства в корне отвергался философом. Он связывался им с нигилизмом, терроризмом («Человеческое, слишком человеческое» появилось между двумя попытками убийства Вильгельма I) и с христианством, и относился автором к страшным болезням современности. С середины 1880-х годов Ницше перестал обращаться к современникам, утратив надежду быть услышанным и потеряв почти всех друзей, занявших ту или иную нишу в германской государственной системе. Он ощутил себя «посмертным» человеком, идеи которого будут восприняты только следующим веком (кстати, так и получилось), прогнозировал глобальные войны и провозгласил идею «большой политики».

В безумии 1888 года Ницше вернулся к династии Гогенцоллернов, с которой была связана первая половина его жизни. В последней записной книжке философа целый раздел озаглавлен «Война не на жизнь, а на смерть дому Гогенцоллернов» [4. С. 578], и все представители династии, кроме Фридриха III, подвергаются уничтожающей критике. По мнению П. Бергмана, связь Ницше с домом Гогенцоллернов была подавляемой всю его жизнь центральной политической и психологической страстью [6. С. 196]. Вместе с тем философ, согласно «третьей» позиции вне национализма и социализма, то есть вне основных социально-политических движений современности, видит путь к будущему в «фоновой», условно говоря, трактовке этих неоспоримых реалий. Он говорит о возникновении типа «становящегося европейца», крепнущего, несмотря на бурю и натиск «национального чувства» и возникающий на наших глазах анархизм. Расположение посредственности, начатое процессами демократизации общества, способствует «народению типа, подготовленного к рабству в самом тонком смысле слова» и появлению «высших людей» — культурных, политических и интеллектуальных *тиранов* [3. С. 361–362].

Здесь, в позднем творчестве Ницше, неоднократно встречаются критические высказывания в адрес государства как структуры, выставляющей себя в качестве объекта поклонения, усредняющей человека и оперирующей этими средними величинами. Известно определение государства в знаменитом пассаже из первой части «Заратустры»: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. И холодно лжет оно; эта ложь ползет из его уст: «Я, государство, емь

народ» [3. С. 35]. Государство показывается в нем чудовищной химерой, неестественным смешением добра и зла, дурно пахнущим кумиром «лишних людей» (массы), машиной уничтожения человеческой души, мелодии индивидуальности [3. С. 35–36]. «Там, где кончается государство, и начинается человек, не являющийся лишним: там начинается песнь необходимых», — пишет Ницше, вызывая параллели с эпиграфом своего старшего наставника Р. Вагнера из «Искусства и революции» (1849).

Анализ философских произведений Ницше показывает некоторое противоречие между ставкой мыслителя на «гениев» и обществом, организованным согласно определенной государственной «парадигме». Для Ницше, безусловно, важнее физически и духовно одаренные «сверхлюди», «посюсторонники», сочетающие повышенную витальность с утонченной духовностью. Слабость эгоцентризма воспринимается Ницше с отвращением, благом он называет людей «долгой воли», верящих в свое «я» и «свою волю навсегда запечатлеть это «я» в людях». Не центр мира, как в эпоху любимого Ницше Ренессанса, не часть его предустановленной гармонии (новое время), не мессия-посредник между несоединимыми иначе мирами несовершенной действительности и христиански окрашенного недостижимого идеала (романтизм), а канат над пропастью между животным и сверхчеловеком — так видит Ницше человеческий идеал. Метафизика «горного» духовного ландшафта, акцент на Человеке как Личности, творце новых художественных миров привлекли к философу художественный авангард начала XX века.

Социально-политические параметры организации сверхличностей, описанных Ницше, в его произведениях даны нечетко; безусловны только смысловые акценты в расстановке социальных сил и философские прототипы государственных систем. «Образцом» государственного устройства для Ницше послужили воспринятые им в период ученичества в Пфорта и Лейпциге и профессуры в Базеле диалоги Платона («Государство») и монументальный труд базельского коллеги профессора Я. Буркхардта «Культура Италии эпохи Возрождения».

Ницше не делал проекции этих моделей государства — греческой и ренессансной в духе Н. Макиавелли — на современное ему немецкое общество. Он заимствовал основные модусы, которыми стали иерархичность и «пафос дистанции», разделение общества на благородных и рабов и власть сильной личности, способной на создание собственных законов. Какой бы то ни было, системы идеального государства Ницше так и не создал: это не входило в его задачи. Государство рассматривалось им с двух позиций, «разрушительной» и «созидательной»:

1) современное европейское государство не способствует воспитанию сильной «благородной» личности, так как построено на нивелировании ярких проявлений жизни во имя создания хорошо налажен-

ной государственной машины. «Отлучивших» Ницше от академической науки филологов и не принявших его философов он беспощадно охарактеризовал как слугителей этой государственной машины в главе «Об ученых» из «Заратустры»: «так вяжут они чулки духа! Они хорошие часовые механизмы, нужно только правильно заводить их! Тогда показывают они безошибочно время и производят при этом легкий шум. Подобно мельницам, работают они и толкут: только подбрасывай им свои зерна! — уж они сумеют их измелчить и сделать из них белую пыль» [3. С. 90];

2) гении-«сверхлюди» должны объединяться в небольшие общества равных себе, что создаст агональную социокультурную парадигму и поспособствует культурному расцвету человечества. В письме Э. Роде от 15 декабря 1870 года подобная образцовая община, состоящая из друзей философа, названа «монастырско-художническим товариществом» [5. С. 78].

«Созидательный» второй пункт был чрезвычайно дискредитирован социально-политической практикой Германии 10–40-х годов XX века. Этому способствовали, как ни парадоксально, немецкие «почитатели» творчества Ницше. И нацисты, и пангерманские объединения, сформировавшиеся перед Первой мировой войной, причисляли себя к ницшеанцам. Например, Александр Тилле (1866–1912) был ведущим членом Всегерманского Союза после 1898 года и одним из первых издателей Ницше, в том числе на английском языке, что помогло мировому распространению идей философа. Ницшеанство Тилле подчеркивало отказ Ницше от гуманизма, равенства, христианской этики, социализма и демократии и сочеталось с грубым социальным дарвинизмом (его труд 1895 года «От Дарвина до Ницше»). Тилле говорил о «помощи природе», считая, что следует убивать непродуктивные элементы общества (инвалидов, лунатиков и т. д.), чтобы окружить большим комфортом эффективных и одаренных граждан. Так же антигуманно в традиционном смысле этого слова выглядели и евгенические проекты нацистов. В конечном счете, «оболванивание» Ницше и подгонка его фрагментарно-афористически изложенного наследия к государственным задачам третьего рейха привело к созданию нацистами «цитатника из Ницше», где смысл цитаты искажался извлечением из контекста, и транспонированием «символистской поэмы» «Так говорил Заратустра» в ранцы германских солдат и в окопы во время Первой мировой войны.

Печальная история социально-политических искажений философии Ф. Ницше привела к разделению исследователей его творчества на две группы по аксиологическому параметру. Зарубежные авторитетные исследователи (В. Мюллер-Лаутер, Д. Колли, М. Монтинари и др.) и отечественные философы, изучающие Ницше на рубеже XX–XXI столетий (К.А. Свасьян, Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая), не считали его ответственным за злоупотребления властью тоталитарного режима Германии 1930–1940-х годов.

5/2009 ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
Исследователи марксистско-ленинской направленности, как российские, так и зарубежные (Г. Лукач, С.Ф. Одуев, В.Е. Бугера), придерживались противоположной точки зрения. Нам хотелось бы сохранить объективный тон при рассмотрении проблемы «государство и гений» в философском дискурсе Ницше. Сам философ предвидел сложности исторической судьбы своего наследия. В письмах 1884 года читаем: «Меня страшит мысль, что к моему авторитету будут прибегать совершенно не те и совершенно неоправданно. Но это — беда каждого великого учителя человечества: он знает, что при неблагоприятном стечении обстоятельств может стать для человечества злым гением — так же, как мог бы стать благословением» [2. С. 222].

Литература

1. Ницше Ф. Греческое государство // Философия в трагическую эпоху. М.: REFL-book, 1994.
2. Ницше Ф. Письма / сост., пер. с нем. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007.
3. Ницше Ф. Сочинения: В 2 томах. Т. 2 / сост., ред., вст. ст. и примечания К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990.
4. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 годов // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006.
5. Рассел Б. История западной философии. В 2 томах. Т. 1. М.: МИФ, 1993.
6. Bergmann P. Nietzsche, Friedrich III and the Missing Generation in German History // Nietzsche-Studien, Bd. 17. Berlin — New York, 1988. P. 194–217.

